

FEATURES OF THEMATIC STUDIES ON THE EMERGENCE AND GENESIS OF ISLAM IN AFGHANISTAN

Azamat Bakhtiyorovich Urdashev

Lecturer, Uzbek State University of World Languages

E-mail: aurdashev@gmail.com

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: Islamic Emirate of Afghanistan, Pashtuns, Taliban.

Abstract: This article examines the specific features of the genesis of Islam in Afghanistan and its coexistence with the state apparatus under the prevailing influences of Pashtun nationalism and tribalism.

Received: 13.06.26

Accepted: 14.06.26

Published: 15.06.26

AFG'ONISTONDA ISLOMNING PAYDO BO'LISHI VA GENEZISI BO'YICHA MAVZULI TADQIQOTLARNING XUSUSIYATLARI

Azamat Bakhtiyorovich Urdashev

O'qituvchi

O'zbekiston davlat jahon tillari universiteti

E-mail: aurdashev@gmail.com

Tashkent, Uzbekistan

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: Afg'oniston Islom Amirligi, pushtunlar, Tolibon.

Annotatsiya: Ushbu maqolada Afg'onistonda islomning genezisi va uning davlat apparati bilan birga yashashi, shuningdek, pushtun millatchiligi va tribalizmning ustuvor omillari sharoitida rivojlanishi ko'rib chiqiladi.

ОСОБЕННОСТИ ТЕМАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗАРОЖДЕНИЯ И ГЕНЕЗИСА ИСЛАМА В АФГАНИСТАНЕ

Азамат Бахтиёрович Урдашев

Преподаватель

Узбекский государственный университет мировых языков

aurdashev@gmail.com

Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

<p>Ключевые слова: Исламский Эмират Афганистан, пуштуны, Талибан.</p>	<p>Аннотация: В данной статье рассматривается специфика генезиса ислама в Афганистане и его сосуществование с государственным аппаратом в условиях довлеющих факторов пуштунского национализма и трайбализма.</p>
--	--

Тематические исследования по исламу в Афганистане основываются на экспертных знаниях в области конкретных периодов религиозной истории Афганистана. Они отличаются редкой способностью использовать письменные источники на основных языках, на которых выражался ислам в Афганистане, включая персидский, арабский, пушту, узбекский и урду, и направлены на освещение различных версий ислама в Афганистане, как возникновение, сосуществование и ситуативную конкуренцию друг с другом. При этом важно определить обстоятельства, при которых различные религиозные институты и деятели приобретали разную степень влияния в разных регионах страны. Афганистан часто описывают как этническую мозаику. Таким образом, выйдя за рамки объединяющей риторики единого «ислама в Афганистане», мы имеем возможность понять механизмы исторического формирования нации из иногда несочетаемых частей такой религиозной мозаики. По мере хронологически упорядоченного продвижения становится понятно, что учреждения и органы власти, созданные в одном периоде, не исчезали и не просто сохранялись в следующем, а продолжали существовать, иногда дополняя, а иногда конкурируя друг с другом за религиозное лидерство.

Так, в период с 709 по 871 год прослеживается первоначальное обращение Афганистана из зороастризма и буддизма в ислам. Различия в развитии четырех регионов Афганистана также обуславливаются ранней историей ислама в Афганистане как религии и как политической системы в форме халифата. При этом ключевую роль в идентификации событий того периода могут играть бактрийские документы IV–VIII веков из Тохаристана и средневековые арабские и персидские истории Балха, Герата и Систана.

Ислам не пришел в Афганистан как готовое явление, а продолжал эволюционировать в течение этих ранних веков в многоконфессиональной среде. Благодаря слиянию с

буддизмом, зороастризмом и местными культовыми практиками он сформировался не столько в арабский прообраз ислама, импортированный целиком, а скорее предстает сборной «солянкой» из религиозных практик.

Средневековый период явился основополагающей эпохой Тимуридов в истории Афганистана, когда в столице Герате и других городских центрах были созданы важные и долговечные религиозные учреждения. В XV веке женщины из правящего класса Тимуридов финансировали религиозную архитектуру из своих личных средств. Самая смелая из этих меценаток Гаухар Шад (правила в 1405–1447 гг.), нарушила традиционное табу, запрещавшее женщинам покровительствовать мечетям, построив две престижные пятничные мечети, которые стояли на пересечении политической и религиозной власти. Опора на различные персидские источники предоставляет возможность оценить роль женской элиты в формировании средневекового религиозного ландшафта, который Тимуриды завещали последующим поколениям.

Следующий важный вопрос – почему и как орден Хваджаган-Накшбанди стал главной суфийской группой в Тимуридском Герате, проложив путь для центральной роли Накшбанди в афганском обществе вплоть до XX века. В начале XV века суфии Хваджаган-Накшбанди прибыли в Герат из Бухары как чужаки, и шансы их ассимиляции оценивались пессимистически. Но благодаря своему шариатскому мировоззрению, гибкости в ритуальной практике и интеллектуальной привлекательности для тимуридской культурной элиты, они быстро приобрели известность, не в последнюю очередь благодаря тесным связям с правящей элитой. Их восхождение было также обусловлено поддержкой богатых наследственных суфийских землевладельцев, которые контролировали популярные святыни, такие как Ахмад-и Джам, ныне базирующейся в Иране. Есть основание полагать, что в 1450-х годах политическая поддержка стала решающим фактором в восхождении к власти Хваджаган-Накшбанди, когда недавно созданная суфийская группа вокруг Убайдуллаха Ахрара (ум. 1490) в Самарканде оказала заметное влияние на тимуридские территории в Афганистане. Влияние суфийского (и особенно накшбандитского) ислама на Афганистан трудно переоценить, в обоснование чего посредством доступных источников раскрывается ранняя история этого суфийского подъема к власти. Она, в свою очередь, закладывает основу для обращения ко второй фазе в XVIII веке, когда накшбандиты завоевали поддержку афганской империи Дуррани.

В рамках XVI и XVII вв. сосредоточено обсуждение на важнейшем вопросе о том, как религиозные деятели, появившиеся благодаря такой материальной и институциональной

поддержке, смогли зарабатывать на жизнь исламом. Экономика ислама в Афганистане и прилегающих регионах в XVI и XVII веках показывает, что большая часть ресурсов распределялась правящими группами, которые создали архитектурный ландшафт ислама в Афганистане и финансировали фонды, из которых оплачивалась работа религиозных деятелей. Исследуя поток материальных ресурсов и религиозных идей от этого патронатного класса через профессиональный религиозный класс к населению в целом, сделана попытка целостного представления о социальном и экономическом положении ислама в досовременном Афганистане.

Дальнейшее хронологическое отслеживание исторических событий акцентируется на религиозных последствиях объединения Афганистана с частями современного Пакистана и Индии под властью пуштунской империи Дуррани в период с 1747 по 1826 гг., в частности расширение суфийского ордена Накшбанди-Муджаддиди с Индийского субконтинента. Благодаря поддержке Дуррани влияние Накшбанди-Муджаддидов в Афганистане стало настолько велико, что до потрясений, вызванных советским вторжением, их лидеры составляли нечто, наиболее близкое к религиозному истеблишменту в Афганистане. Отслеживание закрепления их доктрин в Афганистане дает возможность исследовать, как религиозные знания передавались из Индии с помощью учебных пособий Накшбанди-Муджаддидов. Два таких руководства, составленных в начале XIX века в Кабуле и Пешаваре, можно утверждать, что такие тексты служили легко воспроизводимыми инструментами для эффективной передачи сложных систем знаний в разнообразных культурных средах Афганской империи Дуррани.

В то время как досовременные суфии Накшбанди подчеркивали важность шариата и поддерживали тесные связи с правящей элитой, появление Афганистана как национального государства в XIX веке привело к тому, что исламское право (и его сторонники) оказались в более тесных отношениях с правящими властями, поскольку последние стремились централизовать свою власть над обществом. В результате возникла государственная правовая система, основанная на шариате, показательным примером чего выступает период правления «Железного эмира» Абд аль-Рахмана Хана в 1880–1901 годах. Хотя отношения между пуштунскими политическими властями и народами, которыми они управляли, традиционно были очень слабыми в Афганистане, при Абд аль-Рахмане Хане создание централизованного правового аппарата стало приоритетной задачей правительства. Сдерживающим фактором этого была слабая легитимность государства, что вынуждало государственных деятелей использовать ислам как средство для достижения правового

статуса в стремлении расширить центральную власть. И здесь на передний план выступает изучение процесса формирования государственного права Афганистана, с акцентом на создание официальных государственных шариатских судов в конце XIX века. И здесь можно прийти к выводу о центральной роли, которую ислам, в частности шариат, играл в попытках на протяжении более века построить государство современного типа в Афганистане.

В первой половине XX века обращает на себя внимание организация «Джамаат-и Муджахидин» (Общество святых воинов), которая возникла в пуштунских приграничных регионах Афганистана и Британской Индии. Афганские персидские и индийские урду источники раскрывают предысторию трансграничной религиозной активности и насилия, которые обычно ассоциируются с более поздними десятилетиями. Сравнение индийских мусульманских, пограничных пуштунских и централизованных афганских националистических дискурсов того периода подчеркивают неадекватность концепции трайбализма для понимания религиозной динамики на границе. Они показывают, как индийские и афганские националисты бросили вызов идеализированной модели племени (qabila) как основополагающей семейной и моральной основе мусульманского общества, создав вместо этого националистические контрнарративы. Тем не менее, племенной дискурс продолжал иметь политическое значение в более позднем XX веке. Позднее Соединенные Штаты и Пакистан стремились использовать эти старые призывы к племенной солидарности, чтобы выявить и мобилизовать пуштунские племена для сопротивления советскому вторжению.

Взаимодействие и, по сути, конкуренция между племенными, националистическими и религиозными моделями коллективной идентичности рассматривается в призме расцвета афганского националистического политического дискурса. В ракурсе либерализации Афганистана в середине XX века раскрывается, как национализм и конституционализм, а отнюдь не ислам и исламизм, сформировали идеологическую основу для новой политики, которая возникла в это время. И наглядным примером этих событий выступает деятельность в период с 1947 по 1953 гг. Виш Залмиян (Пробужденная молодежь) как первой политической партии, открыто действовавшей в Афганистане. Однако, хотя сочетание либерального конституционализма и пуштунского национализма сделало партию популярной среди интеллигенции и части правящей элиты, оно вызвало недовольство со стороны религиозного истеблишмента. Для прежде влиятельных улемов ислам был единственной идеологией, которой следовало придерживаться, а Коран –

единственной конституцией, которая была нужна стране. Опираясь на широкий спектр газет, журналов и мемуаров на персидском и пушту, можно отследить идеологические баталии, развернувшиеся между сторонниками конституционализма и пуштунского национализма, с одной стороны, и сторонниками религиозной политики, с другой. Таким образом, отслеживаются альтернативы исламистской публичной риторике, которые возникли в самый успешный период модернизации Афганистана. Даже после подавления политических партий этот националистический тип политики оставался доминирующей государственной идеологией до тех пор, пока афганские марксисты не совершили государственный переворот в 1978 году.

Результатом революции Саур в апреле 1978 года, спровоцировавшей советское вторжение, стало начало продолжавшейся почти столетия войны в Афганистане. В годы джихада исламистские идеологи все больше выходили на первый план как подлинная и коренная альтернатива безбожным иностранным захватчикам, будь то советские или, впоследствии, представители НАТО.

Роль спецслужб США, Пакистана и Великобритании в поставках оружия и средств моджахедам задокументирована и хорошо известна. Что же не получило должного внимания, так это идеологическое содержание исламистской мысли, раскрывающееся в многоязычных публикациях, которые циркулировали среди афганцев в изгнании и в конечном итоге внутри самой страны. Не изученные транснациональные брошюры на арабском, персидском и урду позволяют описать меняющиеся и расходящиеся концепции ислама, которые продвигались через джихад 1980-х и начала 1990-х годов. Анализ многоязычных журналов, брошюр и монографий, издававшихся суфиями, салафитами и деобандистами афганского, арабского и пакистанского происхождения, которые боролись за контроль над джихадом, позволяют получить общее представление об этом потоке исламистских идей. На фоне объединения разнообразных исламских видений под общим названием «священная война», уже тогда начинает проявляться растущая религиозная фрагментация, которая до сих пор продолжает раздирать Афганистан.

Исламская праведность постоянно утверждается, переосмысливается и оспаривается. Эта тема также поднимается на фоне хазарейцев и их шиитских исламских корней, которые нельзя игнорировать в любом исследовании ислама в Афганистане, в частности в Хазараджате, когда за последние десятилетия шиитские ритуалы, символы и нарративы стали основным языком политической мобилизации среди хазарейцев. Хазарейцы обратились к своей религии, чтобы связать древние несправедливости священной истории

шиитов с современной историей собственного преследования со стороны пуштунских правящих династий и их преемников из Талибана. Таким образом, их шиитский ислам дал хазарейцам как утешение, чтобы терпеть угнетение, так и оправдание, чтобы сопротивляться ему.

Ислам был средством как легитимизации центральной власти, так и вектором восстания. Ислам был не только объединяющим фактором, но и использовался для создания и поддержания границ между многими различными группами в афганском обществе. Тогда это было не менее актуально, чем в настоящее время. Ключевое отличие заключается в том, что война и глобализация подорвали институты и традиции религиозной власти, которые сформировались в течение долгого средневекового периода и более короткого современного периода. От транснационального сбора средств до видео, смартфонов и Интернета – новые средства религиозного производства теперь позволяют огромному количеству религиозных предпринимателей претендовать на конфессиональную власть в Афганистане. Нынешнее афганское государство – Исламский Эмират Афганистан – является лишь одним из многих религиозных игроков среди афганских соперников, как внутри самого Афганистана, так и в обширной афганской диаспоре. В регионе, где так мало законных путей для социальной мобильности, религия останется излюбленной карьерой как для амбициозных, так и для благочестивых людей. По крайней мере, спектр прошлых религиозных ресурсов дает возможность определить факторы, из которых в будущем могут возникнуть новые версии ислама в Афганистане, в том числе с акцентом на уникальный путь Пророка. Ислам был, остается и будет оставаться многогранным явлением в Афганистане, так или иначе воздействуя на выстраивание двусторонних отношений с сопредельными государствами.

Список использованной литературы:

1. Thomas Barfield — Afghanistan: A Cultural and Political History, 2nd ed., Princeton University Press, 2010.;
2. Olivier Roy — Islam and Resistance in Afghanistan, Cambridge University Press, 1990;
3. Antonio Giustozzi — Koran, Kalashnikov and Laptop: The Neo-Taliban Insurgency in Afghanistan, Hurst & Co.; Columbia University Press (US), 2008;
4. Gilles Dorronsoro — Revolt in Afghanistan: A Study of the Mujahideen, Columbia Univ. Press, 2005;
5. Nile Green — Sufism: A Global History, Wiley-Blackwell, 2012;

6. The Rise and Rule of Tamerlane. By Beatrice Forbes Manz. Cambridge Studies in Islamic Civilization. Cambridge; New York; Port Chester, N.Y.; Melbourne; and Sydney: Cambridge University Press, 1989. xi, 227 pp. Maps.